

АЛЕКСАНДР ДИАНИН-ХАВАРА

СОТВОРЕННЫЙ
ДЛЯ ВЕЛИЧИЯ

Александр Дианин-Хавард
Сотворенный для величия

«Басманный форум»

2019

УДК 30
ББК С 60

Дианин-Хавард А. К.

Сотворенный для величия / А. К. Дианин-Хавард — «Басманный форум», 2019

ISBN 978-5-9903292-1-8

«Сотворенный для величия: Лидерство как жизненный идеал» является углублением и раскрытием «Нравственного лидерства» (Москва, 2008), первой книги автора. «Мне потребовалось два года напряженного труда, чтобы понять, что великодушие и смирение – величие и служение – являются специфичными добродетелями лидеров. Эти понятия, богатые по смыслу, обладают огромным эмоциональным и экзистенциальным зарядом, проникают в самые глубины человеческих сердец. Великодушие и смирение, величие и служение – это жизненный идеал. Это открытие поразило и восхитило меня». Книга переведена на 10 языков. Второе издание, исправленное и дополненное.

УДК 30
ББК С 60

ISBN 978-5-9903292-1-8

© Дианин-Хавард А. К., 2019
© Басманный форум, 2019

Содержание

От автора	6
Введение	7
Глава 1	10
Возвышенное видение самого себя	11
Добродетель, побуждающая к действию	12
Высшая форма человеческой надежды	13
Великодушие неотделимо от смирения	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Дианин-Хавард

Сотворенный для величия

© Александр Дианин-Хавард

«Сотворенный для величия» – это углубление и раскрытие «Нравственного лидерства» (2007), первой книги Александра Дианина-Хаварда. Автор показывает, что лидерство – это не просто нравственное упражнение, а жизненный идеал, поскольку специфические качества лидера – величие и служение – обладают мощным экзистенциальным зарядом, проникающим в самые глубины человеческих сердец.

Александр Кириллович Дианин-Хавард – автор Системы Нравственного Лидерства и основатель Института Нравственного Лидерства. Александр Кириллович – автор четырех книг: «Нравственное лидерство» (2007), «Сотворённый для величия» (2011), «Мой русский путь» (2014) и «От темперамента к характеру» (2018). Эти книги переведены на десятки языков. Александр Кириллович – внук эмигрантов первой волны. Он родился и учился в Париже, работал адвокатом в Страсбурге и Хельсинки. С 2007 года живет в Москве.

* * *

В наше больное время, когда европейскими обществами обуяла лень, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царят нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят, сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце... Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно сознанной цели.

Антон Павлович Чехов

От автора

В 1983 году, закончив третий курс юридического факультета, я покинул столицу Франции, чтобы провести незабываемый месяц в компании моей двоюродной бабушки Елены и ее сына Тамаза. Они жили в Тбилиси, столице тогдашней Советской Грузии.

В следующий раз я попал в Грузию только в 1990 году, когда СССР уже разваливался. К тому времени бабушка Елена умерла, и мне было очень больно видеть, что Тамаз никак не может оправиться от этой потери. Он любил свою мать, как никого другого в этом мире. Он ни на минуту не оставлял ее с того трагического дня 1937 года, когда его отец был арестован, а позднее расстрелян НКВД. В ту пору Тамазу было всего 10 лет.

Однажды вечером мы поехали на кладбище почтить память бабушки Елены. За рулем выдавшего вида «жигуленка» сидел Тамаз. Чем ближе мы подъезжали к кладбищу, тем эмоциональнее он становился. Стемнело. Начал накрапывать дождь. Мы ехали по скользкой и извилистой горной дороге.

Неожиданно Тамаз обернулся ко мне.

– Не боишься? – спросил он.

Словно стыдясь другого ответа, я твердо ответил:

– Нет!

К моему ужасу, Тамаз до отказа выжал акселератор. Я едва успел призвать на помощь своего ангела-хранителя. Автомобиль, будто на крыльях, воспарил над пропастью, и через несколько секунд рухнул на надгробие горного кладбища. Ветровое стекло разбилось.

Нам понадобилась немалая ловкость, чтобы аккуратно вылезти из машины, – ведь она буквально висела в нескольких метрах от бездонной пропасти.

В полной тишине мы спускались с горы, не встретив на своем пути ни одной души. Неожиданно Тамаз сказал: «Надо же, ведь мы так и не доехали, куда собрались. И еще надгробия разрушили, которые не нам принадлежат».

Через час мы поймали попутку и добрались до Тбилиси. Было два часа ночи.

Я несколько дней размышлял над нашими ночными приключениями, которые закончились плохо, но могли бы закончиться еще хуже. По правде говоря, я разочаровался в Тамазе, но ничего ему не сказал. Более того, я понял, что этот 60-летний в ту пору мужчина уже очень давно – возможно, в тот момент, когда на его глазах арестовали отца, – потерял не только чувство ориентации в жизни, но и ощущение жизни как таковой.

Я часто думаю о Тамазе и о миллионах людей, в той или иной мере искалеченных тоталитарным идеологическим проектом XX века. Я размышляю о пустоте, разрушающей их сердца, а также о современной глобальной политике, которая, сосредоточившись исключительно на экономике, только усугубляет эти душевные раны.

Но я также думаю о тех людях, которые, в отличие от Тамаза, получили огромные таланты – свободу, мир, воспитание в добродетелях, – и все-таки еще не полностью осознают свою ответственность перед Богом и людьми. К этим мужчинам и женщинам, молодым и не очень, обращена эта книга.

Введение

В своей книге «Нравственное лидерство», опубликованной в 2007 году, я изложил свое понимание лидерства. Оно заключается в следующем:

1. *Подлинное лидерство основывается на подлинной антропологии, т. е. на верном представлении о человеке.* Такое представление должно включать в себя аретологию – науку о добродетелях, – иначе оно будет неверным. Добродетель – это благородная привычка ума, воли и сердца, позволяющая человеку достичь личного совершенства и личной эффективности. Говорить о лидерстве – значит говорить о добродетели, потому что, во-первых, добродетель порождает доверие, без которого лидерство просто невозможно; а во-вторых, добродетель – это динамичная сила, увеличивающая способность лидера к действию; об этом свидетельствует первоначальное значение латинского слова *virtus* (добродетель) – энергия. Добродетель позволяет лидеру делать то, чего мы от него ожидаем.

2. *Великодушие и смирение, которые являются в основном добродетелями сердца – это сущность (специфика) лидерства.* Великодушие (греч. мегалопсихия, лат. магнанимитас) чаще всего означает щедрость души, готовность бескорыстно жертвовать своими интересами для других. Но у этого термина есть и другое значение: великодушен тот, кто *устремлен к великому*. В нравственном лидерстве мы употребляем термин «великодушие» только в этом последнем смысле. Великодушие лидера – в осознании и утверждении его собственного достоинства, в его мечте и в его миссии; в его вере, в его рвении, в его надежде и смелости; в том, как он раскрывает таланты в себе и других; в том, как он строит свою личность и личность окружающих; в том, как он вдохновляет, возвышает и воспитывает людей. Лидер великодушен и смиренен. Смирение – это привычка жить в истине по отношению к Богу (осознание нашего тварного бытия), к самому себе (осознание нашей силы и нашей слабости), к другим (служение людям). В нравственном лидерстве мы употребляем термин «смирение» чаще всего в этом последнем смысле. В лидерстве под смирением подразумевается служение. Лидер привлекает, а не подталкивает; учит, а не приказывает; вдохновляет, а не распекает. Лидер – не тот, кто проявляет власть над другими, а тот, кто дает другим возможность проявить себя. Последователи лидера – это люди, которым он служит. Великодушие и смирение – это *специфичные* добродетели лидера; вместе они составляют *сущность* (специфику) лидерства.

3. *Добродетели благоразумия, справедливости, мужества и самообладания, которые являются, в основном, добродетелями ума и воли, – это фундамент (опора) лидерства.* Благоразумие помогает принимать верные решения; мужество помогает рисковать и держаться избранного курса; самообладание помогает подчинять эмоции духу и вложить их жизненную энергию в исполнение нашей миссии; справедливость позволяет воздавать каждому должное. Эти четыре добродетели составляют не сущность лидерства, а его фундамент. Без них лидерство невозможно.

4. *Поскольку добродетель – это привычка, приобретаемая через практику, мы можем утверждать: лидерами не рождаются – ими становятся.* Лидерство – это свойство характера (добродетели, свободы, роста), а не темперамента (биологии, детерминизма, стагнации). Темперамент может способствовать формированию одних добродетелей и мешать развитию других; но когда созревают добродетели, они налагают на темперамент отпечаток характера, так что темперамент уже не господствует над нами. Темперамент не препятствует лидерству; лидерству препятствует недостаток характера, он лишает нас нравственной энергии и свободы.

5. *Лидеры не руководят людьми путем осуществления potestas, или власти, внутренне присущей их положению. Они руководят с помощью auctoritas – авторитета, протекающего из характера.* В любом положении человек может быть лидером, если он обладает авторитетом. Лидерство не связано с занимаемым постом, лидер – это не босс.

6. Разум, воля и сердце позволяют нам делать три вещи, существенные для возрастания в добродетели: 1) *созерцать* добродетель, наслаждаться ее красотой и сильно желать ее (функция сердца); 2) *понимать* в каждой конкретной ситуации как поступать добродетельно (функция разума); 3) *поступать* добродетельно (функция воли).

7. *Посредством добродетелей лидеры достигают зрелости в своих суждениях, эмоциях и поступках.* Безошибочные признаки зрелости – это уверенность в себе и последовательность в действиях, психологическая уравновешенность, радость и оптимизм, естественность, чувство свободы и ответственности, состояние внутреннего мира. Лидеры не скептически и не циничны, они – реалисты. Реализм – это способность сохранить благородные стремления души, даже если человек опутан собственными слабостями. Реалист не поддается слабостям, он превосходит их, упражняясь в добродетелях.

8. Мы упражняемся в добродетелях, чтобы достичь самореализации (совершенства человеческой природы) и личностной эффективности. Добродетель – это совершенство (*areté*, на древнегреческом) и сила (*virtus*, на латыни). Мы взращиваем добродетель, чтобы стать лучше и эффективнее. Чем больше наше совершенство, тем выше наша эффективность.

9. *Лидеры соблюдают этику, основанную на добродетели, в большей мере, чем этику, основанную на правилах.* Этика добродетели не отрицает необходимости правил, но настаивает на том, что они не могут быть высшим обоснованием этики. Правила должны служить добродетели. Это – должный порядок вещей. Добродетель, в отличие от правил, всегда имеет оригинальный, творческий и многогранный характер.

10. *Практика специфически христианских добродетелей веры, надежды и любви оказывает огромное воздействие на лидерство.* Эти сверхприродные добродетели укрепляют, возвышают и преображают природные добродетели великодушия и смирения, составляющие сущность лидерства, и природные добродетели благоразумия, мужества, самообладания и справедливости, составляющие его фундамент. Поэтому ни одна работа о лидерстве не может быть полной без упоминания сверхприродных добродетелей.

«Сотворенный для величия» (2011) – это углубление и раскрытие «Нравственного лидерства» (2007). Эти две книги составляют вместе единое целое.

Мне потребовалось два года напряженного труда, чтобы понять, что именно великодушие и смирение являются специфическими добродетелями лидеров. Я пришел к такому выводу на основе тщательного изучения жизненного пути и поведения многих выдающихся личностей. Великодушие и смирение... Два слова – в два года! Кому-то это покажется очень странным. Странным, на самом деле, если бы речь шла о банальных и очевидных для всех понятиях. Но великодушие и смирение – понятия, богатые по смыслу, обладающие огромным эмоциональным и экзистенциальным зарядом, проникающим в самые глубины человеческих сердец. И это понятно, ведь в них воплощен жизненный идеал – идеал величия и служения.

Я обнаружил, что *лидерство есть жизненный идеал для человека, поскольку специфичные добродетели подлинного лидера – великодушие и смирение – несут в себе высокую жизненную идею. Великодушие и смирение, величие и служение – это уже жизненный идеал. Это открытие поразило и восхитило меня.*

Человеку можно и нужно основывать свои *действия* на благоразумии, мужестве, самообладании и справедливости, но *бытие* свое он может основывать только на великодушии и смирении – на идеалах величия и служения, на идеалах лидерства. *Великодушие – это жажда жить полнокровной жизнью, смирение – это жажда любить и жертвовать собой за других.* Любое человеческое сердце, осознанно или неосознанно, хочет жить и хочет любить. Великодушие и смирение – это необходимые условия личностной самореализации.

Великодушие и смирение составляют идеал достоинства и величия человека. *Великодушием человек утверждает свое личное достоинство и величие; смирением он утверждает достоинство и величие другого.*

Великодушие и смирение – результат правильной оценки человека. Малодушие, мешающее человеку понимать *себя самого*, и гордыня, мешающая ему понимать *других*, – результат ложной оценки. *Лидерство – это жизненный идеал, который признает и распространяет истину о человеке.*

Глава 1

Идеал великодушия

Великодушие – это идеал, основанный на доверии к человеку, на убежденности в изначальном его величии. Великодушие в большей степени, чем любая другая добродетель, побуждает человека к действию и потому является высшей формой человеческой надежды. Великодушие – это всеобъемлющая добродетель: она преображает жизнь и придает ей высший смысл. Великодушие – это первая специфичная добродетель лидера.

Вот уже много лет я рассказываю своим студентам, представителям различных культур, религий и языков, о великодушии – специфической добродетели лидера. Разговор о великодушии везде возбуждает страсти. Я знаю людей, глубоко изменившихся после знакомства с добродетелью великодушия. Но знаю и таких, сильно испугавшихся, будто им рассказали нечто крайне для них неприятное. В любом случае тема великодушия не оставляет людей безучастными.

Возвышенное видение самого себя

Первым, кто концептуально разработал идею великодушия (греч. *мегалопсихия*), был еще Аристотель. Для греческого философа великодушен тот, кто «считает себя достойным великого». Хотя великодушный человек достоин чести (по Аристотелю честь есть величайшая из *внешних* благ), он к ней особенно не стремится, поскольку обладает чем-то несравненно большим: он обладает добродетелью, величайшим из *внутренних* сокровищ. Такой человек прекрасно осознает, что мир со всеми его благами стоит меньше, чем его личная добродетель. Великодушный человек понимает, что он достоин большего. По сравнению с добродетелью, которой он обладает, мир и его блага равным счетом ничего не значат.

Образцом великодушия Аристотель считал Сократа, хотя и никогда не говорил об этом открыто. Для Аристотеля великодушие – это спокойствие перед лицом жизненных страданий, презрение к мнению толпы, безразличие к бесчестью. Великодушный не проявляет особой активности, он не стремится изменить мир к лучшему; он скорее холодно терпит существующее положение вещей, провозгласив свою независимость от него. Великодушный утверждает свое человеческое достоинство в коварном мире, который он искренне презирает.

Аристотелевское великодушие – это возвышенное видение самого себя, утверждение собственного достоинства. Осознание своей ценности и значимости – общая характерная черта всех лидеров. Это начало лидерства, без такого осознания нет великодушия и нет лидерства.

Вспомним генерала Шарля де Голля. Когда 18 июня 1940 года он выступил на Би-Би-Си со своим знаменитым обращением из Лондона, призывая французов к сопротивлению нацистским оккупантам, де Голль был одинок. У него почти не было сторонников. Коллаборационистское правительство маршала Петена обвинило его в государственной измене и приговорило к смертной казни. Де Голль был никому не известным бригадным генералом, но у него было высокое видение самого себя. В своих «Военных мемуарах» он писал: «Я был одинок, и потому, что был одинок, я должен был достичь вершины, чтобы оттуда никогда не спускаться вниз»¹.

Лидер сначала обретает возвышенное видение самого себя. Потом уже обретает видение того, что он хочет совершить.

Когда в 1971 году Дарвин Смит стал президентом компании «Кимберли-Кларк», эта компания прочно заняла свою нишу на рынке, хотя ее основной бизнес – производство мелованной бумаги – приносил все меньше и меньше прибыли. Но Смит понял: возглавлять уважаемую компанию – «компанию функционеров» – не его призвание. Он считал себя достойным большего. Это возвышенное видение самого себя заставило его поставить задачу: достичь величия или погибнуть. Он продал все заводы, производившие мелованную бумагу, и перевел освободившиеся мощности на производство потребительских бумажных изделий (салфетки, туалетная бумага и т. п.), нарочно поставив свою компанию в серьезную конкуренцию с такими лидерами рынка, как «Проктер & Гэмбл» и «Скотт Пэйпер». Результаты этой масштабной стратегии не заставили себя ждать: через несколько лет «Кимберли-Кларк» превратилась в мирового лидера по производству потребительской бумаги.

Присущее Смицу чувство собственного достоинства заставило его пренебречь мнением толпы. Аналитики Уолл-стрит и бизнес-медиа на все лады критиковали его решение, уверенные в том, что компанию ждет неминуемый крах. Но Смит, как когда-то Сократ, не советовался с толпой.

¹ Ш. де Голль, Военные мемуары. Призыв 1940-1942. Глава 3.

Добродетель, побуждающая к действию

Фома Аквинский, крупнейший философ и богослов Средневековья, понимал великодушие как ненасытную жажду великих дел и свершений (*extensio animi ad magna*). Он использует формулу Аристотеля, но придает ей совершенно иной смысл. Аристотель говорит, что великодушен тот, кто считает себя достойным великого; Фома же говорит, что великодушен тот, кто считает себя достойным *совершить* великое.

Аристотель утверждает величие человека в его независимости от мира, ибо мир со своим злым роком постоянно угрожает этого человека уничтожить. Фома же утверждает величие человека в завоевании мира, ибо мир, как творение Божие, хорош.

Великодушие есть жажда великого и достижение его. Великодушие не довольствуется тем, что начинает: оно завершает. Великодушие есть *движущая добродетель* по преимуществу. В нем больше энергии, чем в храбрости. Великодушный реализует себя в действии и через действие. Он отдается действию целиком, со страстью.

Лидеры – это люди действия, но действуют они не ради действия. Их действие – это расширение собственного личностного бытия, плод осознания собственного достоинства и величия. Лидер – не трудоголик, он не действует, чтобы чем-то заполнить пустоту своей внутренней жизни. Его активность – не слепое или механическое движение.

Личное совершенство – вот главная цель великодушия. Самое амбициозное начинание бессмысленно, если оно не ставит своей высшей целью личное совершенствование тех, кто его осуществляет.

Для лидера достижение высоких организационно-материальных целей – не самоцель, а средство, необходимое для личностного роста вовлеченных в процесс людей. Вышеупомянутый Дарвин Смит решился на огромные риски, потому что понимал: его действие способствует такому духовному росту, который обгонит все сугубо материальные результаты, какими бы значительными они ни оказались. Менеджмент – это искусство правильно делать свое дело; лидерство же – это искусство возвращать людей, способствовать их росту и достижению личностного величия. Смит был выдающимся менеджером, но прежде всего был блестящим лидером: его больше интересовали люди, чем вещи; он знал, что личностное совершенствование – совершенствование его самого и совершенствование его подчиненных – важнее, чем материальный успех.

Высшая форма человеческой надежды

Действие – плод надежды. Чем сильнее надежда, тем выше цель. Великодушие стимулирует надежду, дает ей всепоглощающую и опьяняющую силу.

В июне 1940 года, находясь в изгнании в Англии, генерал де Голль преподавал миру потрясающий урок надежды: «Я, одинокий и лишенный всего, чувствовал себя в положении человека на берегу океана, через который он собирается перебраться вплавь»². Вопреки препятствиям де Голль стал действовать, не сомневаясь в своей способности объединить французов вокруг себя и победить нацистскую Германию.

Надежда устремлена к величайшему благу, невзирая на объективно существующие трудности. Вдохновленные предстоящим заданием, одновременно благородным и трудным, душа и сердце без остатка отдают себя его выполнению.

Эрик Лидделл, чемпион Олимпийских игр 1924 года и один из бегунов, воспетых в популярном фильме «Огненные колесницы», однажды в самом начале забега получил подножку от соперника. Он упал на землю и поднялся, когда все остальные участники уже убежали на 20 метров вперед. Он догнал основную группу и обогнал ее, первым разорвав финишную ленточку. Потом упал на землю, обессиленный, но торжествующий.

Надежда – это ликующее устремление, радостная жажда поиска, в которой человек в определенном смысле уже владеет тем, чего он жаждет. Эрик Лидделл, человек глубоко религиозный, прекрасно выразил ликующую суть надежды: «Когда бегу, то чувствую Его радость».

Великодушие несет в себе *человеческую* надежду, оно доверяет *человеку*. Нельзя путать *человеческую* надежду с надеждой *богословской*. Богословская надежда доверяет Богу по выражению апостола Павла: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе!»³.

Великодушие – это *природная* добродетель, которую человек может обрести и развивать в себе собственными силами; *сверхприродная* надежда – это добродетель, вложенная в человеческую душу Богом; вместе с верой и любовью она представляет собой одну из трех богословских добродетелей. До XIII века христианские богословы не отличали великодушия от богословской надежды. Они говорили о великодушии там, где на самом деле речь шла о сверхприродной добродетели надежды. Для них великодушен тот, кто осознает свое убожество и ищет в одном только Боге силы для личностного развития и завоевания мира⁴.

В XIII веке Фома Аквинский, прочитав верный перевод трудов Аристотеля, вернул термину «великодушие» его подлинное значение. Для него, как и для Аристотеля, великодушие – идеал величия *человека*, идеал доверия к *человеку*. Фома четко отличает природную добродетель великодушия от сверхприродной добродетели надежды.

Восстановление Фомой человеческого начала – одно из великих достижений в истории христианской мысли. Христианский гуманизм во всем своем масштабе родился из этого нового мышления.

Великодушный христианин во всем надеется только на себя, как если бы Бога не было (великодушие), и одновременно полагается лишь на Бога, словно он, христианин, ничего не может от себя (богословская надежда). Он ведет себя как «взрослый» в природном плане, и как «дитя» в плане сверхприродном. Впрочем, его «сверхприродное детство» не пассивно: сверхприродная надежда, как и надежда природная, не пугается трудностей; напротив, она моби-

² Ш. де Голль, *Военные Мемуары*. Призыв 1940-1942. Глава 2.

³ Фил 4:13.

⁴ См. R. A. Gauthier, *Magnanimité*, Paris: Vrin, 1951.

лизует всю душу человека, направляя ее к завоеванию желаемого блага. Психология надежды одна.

Великодушие и богословская надежда – добродетели, взаимодополняющие друг друга в жизни лидера, живущего своей христианской верой. Александр Солженицын, русский писатель и лауреат Нобелевской премии по литературе, с потрясающей человеческой надеждой выполнял свою жизненную миссию: сохранить память о миллионах людей, обреченных на смерть коммунистической системой. Но как верующий человек Солженицын проявил богословскую надежду, не менее сильную, нежели надежду человеческую. В тяжелое для него время он обращался к Богу с такой молитвой:

«Как легко мне жить с Тобой, Господи!
Как легко мне верить в Тебя!
Когда расступается в недоумении
или сникает ум мой,
когда умнейшие люди
не видят дальше сегодняшнего вечера
и не знают, что надо делать завтра,
Ты ниспосылаешь мне ясную уверенность,
что Ты есть
и что Ты позаботишься,
чтобы не все пути добра были закрыты»⁵.

Солженицын – пример того, как великодушие и богословская надежда могут сосуществовать в жизни лидера, практикующего христианскую веру. Этот выдающийся лидер полностью полагался на себя и полностью полагался на Бога. Он верил в себя и в свою способность к действию, но в то же время он верил в Бога и Его поддержку.

⁵ А. Солженицын, *Крохотки*. 1958-1963.

Великодушие неотделимо от смирения

Смирение – это привычка служить. Этот аспект смирения можно назвать «братским смирением». Но смирение – это еще и осознание того, что человек полностью и целиком зависит от Бога, своего Творца. Этот аспект смирения можно назвать «метафизическим смирением».

Чем больше мы говорим о великодушии, тем большее значение мы должны придавать метафизическому смирению. Чем больше мы осознаем свое собственное величие, тем острее мы должны осознавать, что величие есть дар Божий. Великодушие без смирения – это не великодушие, а самообман, который обычно приводит к большим катастрофам в личной жизни.

Великодушие и смирение идут рука об руку. Человек обязан верить в себя (великодушие), но при этом он не должен забывать, что таланты и способности, на которые он рассчитывает, даны ему Богом (смирение). За импульсом великодушия, подвигающим его на великие дела, должен непосредственно следовать импульс смирения, позволяющий ему во всем видеть Бога. Возвеличивание человека должно сопровождаться склонением перед Богом. «Когда я боролся один на один с коммунистическим режимом, – пишет Солженицын, – я понимал, что это не я борюсь, что я – муравей, чтобы такую борьбу выдержать, что я только орудие в иных руках»⁶. Будучи по-настоящему великодушным, Солженицын считал себя *могучим инструментом* в руках Божиих; будучи по-настоящему смиренным, он понимал, что он *только инструмент*.

Человек великодушный и смиренный, *великодушно* оценивая свои способности, считает себя достойным великих дел, за которые он берется с полной уверенностью; в то же время, *смирненно* осознавая свое положение тварного существа, он прекрасно понимает, что все его способности, даже те, которые он приобрел в результате собственных усилий, являются, в конечном итоге, Божиими дарами. Это наполняет его благодарностью к Богу и тем самым укрепляет его надежду.

Смирение признает силу и величие человека, но узнает в них дар Божий. Узнать в силе и величии человека дар Божий – не значит отрицать эту силу и это величие. Смирение не отрицает их, а посвящает их Богу.

Многие христиане верят в Бога, но немногие из них верят в самих себя, верят в свои таланты и способности. У многих верующих понимание смирения исключает великодушие, они не хотят, да и не могут выбиться в лидеры. В итоге неудивительно, что современные государства чаще всего ищут себе политических лидеров в среде неверующих.

Большинство влиятельных лидеров последних трех столетий были нехристианами. И нельзя сказать, что христиан *изгнали* из общественной жизни: просто сами христиане, по собственной воле, вычеркнули из нее самих себя. Это поразжающий, беспрецедентный в истории человечества случай всеобщего самовыхолащивания.

Христианам стоит задуматься над личностью Жанны д'Арк, столь презираемой в наши дни в ее отечестве – Франции, и столь любимой в Англии, стране ее врагов. Жанна была истинной христианкой, носителем подлинного великодушия. По словам Гилберта Честертона, «Жанна д'Арк не топталась на распутье, отбросив все пути, как Толстой, или приняв их, как Ницше. Она выбрала путь и ринулась по нему стремительно, как молния... Толстой воспел крестьян – она была крестьянкой. Ницше воспел войну – она воевала. Она победила каждого из них на его поле; была добрей и смиренней Толстого, яростней Ницше»⁷.

⁶ *Огонек*, 1998/4559/24-52-53.

⁷ Г. Честертон, *Ортодоксия*. Глава 3 (Самоубийство мысли).

В возрасте 17 лет Жанна стала главнокомандующим французской армии. Ее миссия заключалась в том, чтобы изгнать английских захватчиков из Франции и добиться коронации наследного французского принца. У нее было высокое видение самой себя и высокое видение своей миссии. «Для этого я и родилась!» – эти слова она повторяла часто, без гордыни, но с гордостью.

Леонард Коэн, канадский поэт и певец, уловил некоторые черты ее величия в своем произведении «Жанна д'Арк», написанном в форме диалога между Жанной и огнем, пожирающим ее на костре:

«Я люблю твое одиночество, я люблю твою гордость

<...>

Я видел ее содрогания, я слышал ее рыдания,

Я славу видел в ее глазах»⁸.

Поэт Арсений Тарковский выразил ее величие более контрастно:

«Ах, Жанна, Жанна, маленькая Жанна!

...Огнем горишь в рубахе не по росту»⁹.

«Помоги себе сам, и Бог тебе поможет». Это известные слова Жанны. Она верила в Бога, но в то же время она верила в себя. Когда ее спрашивали, зачем ей нужна армия, если сам Бог решил освободить французский народ, она отвечала с простотой крестьянки и глубиной богослова: «Солдаты будут сражаться, и Бог даст победу».

«Жанна д'Арк – это существо, настолько возвышенное над обычным человечеством, – утверждал Уинстон Черчилль, – что человека такого масштаба мир не знал тысячу лет»¹⁰.

Современное общество нуждается в мужчинах и женщинах, верящих в *человека*. Святой Павел, апостол богословской надежды, был также апостолом *человечества* Христа: во Христе он видел *совершенного Человека*, то есть человека, в совершенстве практиковавшего все *человеческие* добродетели, включая великодушие. Сам Павел был, по всей видимости, самым великодушным из апостолов Христа. Он поразительно практиковал не только богословскую, но и человеческую надежду. Его человеческая энергия, подкрепленная благодатью Божией, сделала его величайшим христианским *деятелем*

⁸ «I love your solitude, I love your pride... / I saw her wince, I saw her cry, / I saw the glory in her eye». L. Cohen, *Songs of Love and Hate*, «Joan of Arc», 1971.

⁹ А. Тарковский, *Дерево Жанны*, 1959.

¹⁰ У. Черчилль, *Рождение Британии*. Глава 26.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.